

Трaзaми aльбaтpoca

Пoиcтинe внушитeльный тpуд —
кpoмe Кустo тoлькo Сaфинa сдeлaл
тaк мнoгo для пepeoсмьслeния нaших
взaимooтнoшeний c мирoм oкeaнa.

THE BOSTON GLOBE

КАРЛ САФИНА

Карл Сафина

Глазами альбатроса

Серия «Животные (Альпина)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67722555
Глазами альбатроса: Альпина нон-фикшн; Москва; 2022
ISBN 9785001397465

Аннотация

В этой книге известный американский эколог и зоолог Карл Сафина отправляется в путешествие вслед за альбатросами в надежде, что они откроют ему свой мир. Проводником в путешествии становится вполне реальный альбатрос по кличке Амелия. На наших глазах разворачивается драматичная и поэтическая история борьбы и надежды, исключительной выносливости и жизненной стойкости. Стремясь узнать больше об альбатросах, попутно автор знакомится со многими представителями дикой природы, обитающими в океане. Сафине удастся не просто увидеть мир, в котором они живут, но и взглянуть на него их глазами. Сплетая метафорическое с реальным, он гармонично сочетает научные и исторические факты с приключениями и захватывающими сюжетными поворотами. Вместе с Амелией мы перемещаемся в пространстве и времени, проникая в отдаленные и неприступные края обитания альбатросов.

Книга «Глазами альбатроса» была удостоена медали Джона Берроуза за лучшее произведение по естествознанию и охране природы, а Национальная академия наук США назвала ее лучшей книгой года.

Содержание

Предисловие	8
Прелюдия	11
Знакомство	28
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Карл Сафина

Глазами альбатроса

Переводчик *Елена Борткевич*

Научный редактор *Евгений Коблик*, канд. биол. наук

Редактор *Наталья Нарциссова*

Издатель *П. Подкосов*

Руководитель проекта *А. Тарасова*

Ассистент редакции *М. Короченская*

Арт-директор *Ю. Буга*

Корректоры *Н. Витько*, *Е. Воеводина*

Компьютерная верстка *А. Фоминов*

Иллюстрации на обложке *Fer Nando/Unsplash, Nareeta Martin/Unsplash*

© Carl Safina, 2002

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2022

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, за-

прещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

*Посвящается Дженне,
которая пустила меня на ночлег
Самодержавный властелин
Страны снегов и мглы
Любил ту птицу и отмстил
Хозяину стрелы¹.
Сэмюэл Тейлор Кольридж.
Поэма о старом моряке (1798)*

*Невозможно передать тебе всю полноту того
волнующего чувства, отчасти радостного, а*

---

¹ Здесь и далее строки из «Поэмы о старом моряке» приведены в переводе Н. Гумилева. – Прим. перев.

отчасти пугающего, с которым я готовлюсь к отплытию. Я направляюсь в неизведанные края, в «страну снегов и мглы», но альбатроса убивать не стану, поэтому не волнуйся о моей безопасности и не переживай, что я вернусь домой таким же истерзанным и измученным, как «старый моряк». Такая аллюзия вызовет у тебя улыбку, но я раскрою секрет... Я не могу объяснить словами, что происходит сейчас у меня на душе... любовь к чудесному, вера в чудесное торопят меня оставить знакомые дороги... ради бурных вод и никому не известных земель, которые мне предстоит исследовать... Встретимся ли мы с тобой вновь, суждено ли мне вернуться из странствий по бескрайним морям? ...Я не отваживаюсь даже надеяться на такую удачу... Я нежно люблю тебя. И если нам не случится больше увидеться, вспоминай обо мне с душевной теплотой.

Мэри Шелли.

Франкенштейн (1818)

Предисловие

Когда-то я более десяти лет посвятил исследованию морских птиц, главным образом изучению охотничьих повадок двух видов крачек. Я полюбил их за присущее им сочетание красоты и грации и благодаря им познал суть систематического поиска истины, который мы называем научным методом. Каждый раз, будь то в море или на суше, вновь и вновь я убеждаюсь в своих чувствах к этим птицам, полным изящества. Но многие удивительные стороны их жизни, в частности их путешествия, остаются за пределами видимого, скрытыми от глаз.

Не так давно я отправился вслед за альбатросами по привычным для них местам в надежде, что они раскроют мне свой мир. Увиденный мною отрезок их жизни – и то, что я узнал о нашем с ними совместном существовании, – представляет собой историю борьбы и надежды, исключительной выносливости и жизненной стойкости. Эти птицы многому меня научили.

Странствующий альбатрос (*Diomedea exulans*) – самый известный вид семейства, и морские путешествия стали главной причиной, по которой я выбрал этих птиц себе в компаньоны. Они познакомили меня со многими представителями дикой природы, обитающими в океане. Попутно выяснилось, что альбатросы совершенно замечательны во многих

отношениях, и я не просто сумел увидеть мир, в котором они живут, но и, благодаря неуловимой перемене восприятия, взглянуть на него их глазами. При этом в нашем путешествии мы будем следовать за одним вполне реальным темноспинным альбатросом (*Phoebastria immutabilis*) по кличке Амелия.

Большинство людей признает внешнюю красоту природы; при этом мы склонны думать (а чаще всего лишь догадываться), что жизнь в дикой природе сложна, опасна и коротка. Я предоставил Амелии возможность начертить для меня карту ее мира, чтобы посетить ее владения и их окрестности, населенные другими существами. Из того, что мне довелось увидеть, стало понятно: основные трудности в жизни животных незначительно отличаются от наших с вами. Хотя человечество еще не справилось с проблемой собственной жестокости и насилия, в нашем представлении – или воображении – животный мир чрезмерно суров. На самом же деле жизнь отдельных видов порой удивительно постоянна и продолжительна, щедра на любовь и ласку. Главная причина, по которой мы зачастую не замечаем этого, в том, что мы никогда не просили другое существо показать нам, как оно проводит свои дни. Я надеюсь, что вы вместе со мной проникнетесь теплыми чувствами к Амелии и ее соплеменникам, осознаете себя частью единой пульсирующей жизненной энергией семьи и почувствуете желание взять и на себя заботу о душе мира.

Это документальная книга, но с одной маленькой оговоркой. Все люди и места в ней вполне реальны, все события произошли во время моих путешествий, и я описал их максимально правдиво. Амелия – самая что ни на есть настоящая птица. Она действительно проделала весь этот путь, и мы узнали о нем благодаря закрепленному на ней передатчику, который регулярно сообщал нам о ее местоположении. Карты ее полетов точно соответствуют данным прибора. Однако то, с чем столкнулась эта птица и что испытала, всего лишь догадки, опирающиеся на точный маршрут ее путешествий, на мои собственные наблюдения за повадками альбатросов и на известные факты о них. Во время своих путешествий Амелия побывала именно в тех местах, что здесь описаны, а вот рассказ о том, что с ней там происходило, основан на общих сведениях об альбатросах.

В конечном счете батарейка в передатчике Амелии села, и мы не знаем, где она сейчас. Но для нее это и не так важно, как для нас. Даже если нас не будет, она останется альбатросом, а эти птицы прекрасно жили и за миллионы лет до появления людей. А вот мы появились в мире, где уже обитали альбатросы, и они нужны нам, чтобы мы могли доказать самим себе, что можем быть по-настоящему человеческими.

Сентябрь 2001 года

Монток, Лонг-Айленд

Прелюдия

К вечеру, когда стихает ветер, Амелия уже в сотнях километров от берега – теперь ей приходится полагаться на собственные силы и делать взмахи чаще обычного. Грудные мышцы сокращаются, заставляя удлинённые крылья рассеивать воздух подобно лопастям пропеллера, чтобы удержать птицу в полёте, из-за чего она быстро теряет запасы энергии, не успевая их восполнять. С лёгким порывом ветра Амелия взмывает к небу, но тут же вновь оказывается во власти земного притяжения и плавно, будто снежинка, скользит вниз в потоке воздуха. Пролетая над океаном, она чертит кончиком крыла тонкую линию по его поверхности, оставляя на воде размашистый росчерк. Этот недолговечный след – единственное свидетельство её присутствия – мгновенно исчезает, устремляясь вдогонку той, что непрерывно движется вперёд.

Как только ветер возвращается, птица расправляет крылья и на протяжении сотен километров продолжает свой путь в полной неподвижности, волнообразно планируя благодаря движущей силе воздушных потоков. В этот момент она похожа на корабль с наполненными ветром парусами. Американский поэт Арчибальд Маклиш писал: «Без слов стих лучше, равен он парящей птице». Амелия – живое воплощение этих строк, поэзия, парящая над океаном.

Восхитительные создания, которых мы называем альбатросами, – величайшие в мире странники, способные преодолевать внушительные расстояния. Альбатросы – большие обитатели больших морей – живут легко и привольно, не ведая границ пространства и времени, путешествуя от края до края безбрежных на вид океанов. Совершать дальние перелеты им помогает поистине удивительное строение тела, благодаря которому они способны планировать сколь угодно долго.

Анатомия крыла альбатроса не такая, как у других пернатых, в большинстве своем приспособленных к машущему полету. Все дело в том, что альбатросы чаще парят в воздухе, чем летают. В отличие от других видов птиц, активный полет которых обеспечивается удлиненным пястно-запястным отделом передней конечности, у альбатросов пропорции крыла схожи со строением человеческой руки: длинное предплечье и короткая кисть – будто в людях тоже заложена способность парить. И если бы нам вдруг случилось превратиться в птиц, то, вероятнее всего, мы стали бы альбатросами.

Такие физиологические параллели наводят на мысль о нашем символическом родстве с этими птицами. Герой «Поэмы о старом моряке» Сэмюэла Кольриджа, моряк, погубивший альбатроса, в наказание носит на шее свидетельство своего преступления против природы. Уже тогда, два столетия назад, альбатрос считался символом удачи и добрым

спутником, а тех, кто причинял ему вред, ждало возмездие. Образ величественной морской птицы вполне подходил для назидания всему человечеству. Кольридж, который альбатросов никогда не видел, понимал это. Понимаем это и мы с вами.

У многих из нас внутри живет собственный незримый альбатрос. Под спудом повседневности томится наша истинная сущность – тот самый странник с широко распростертыми крылами, жаждущий открывать новые горизонты и мчаться наперегонки с ветром, не упускающий ни единой возможности и готовый вобрать в себя весь мир; он оставляет следы, которые сохраняются лишь в нашей памяти, и для нас одних рисует карту жизни и времени.

Альбатрос – величественная симфония плоти, органов чувств, костей и перьев, созданная из дальних перелетов и положенная на мотив переменчивых ритмов света, ветра и воды. Поразительная музыкальность полета альбатроса объясняется не столько его внешним видом, сколько контрапунктной сюитой действия и бездействия, из которых состоит его движение вперед. Птица рассекает воздушный океан на высокой скорости, сохраняя при этом покой, – исполин, который проносится по ветру, ни разу не взмахнув крыльями. Как отдельные ноты складываются в мелодию при взаимодействии друг с другом, так и неподвижность птицы превращается в полет на фоне проносящегося мимо пейзажа.

Она следует за кораблем, смотрит на вас, кружит над судном от носа до кормы, не отставая ни на секунду, минуя волну за волной, милю за милей. Наблюдая за ней, вы не устаете удивляться: «Как ей это удастся?»

Не прилагая большого труда, альбатрос преодолевает огромные расстояния за счет противостояния двух величайших земных сил: притяжения и восходящих потоков воздуха. В своем полете он полагается на те факторы, которые остальные пернатые стремятся преодолеть. А альбатрос взаимодействует с воздушными потоками и гравитацией и потому не знает себе равных в полете. Возможно, именно из-за того, что он остается статичен, перемещаясь под действием невидимых сил, художники редко берутся запечатлеть его, хотя эта птица и считается одним из главных символов моря. Иллюстратор-анималист и писатель Ричард Эллис объясняет это так: «Альбатрос постоянно в движении, и передать его образ при помощи привычных средств – непростая задача для большинства художников». И правда, посмотрите, как быстро альбатрос скользит над океаном, чтобы не отстать от корабля: он не просто летит – он, точно пилот, управляет своим внушительным телом. Да еще с каким изяществом!

Альбатрос держится в воздухе непринужденно, и это не просто видимость. У качающегося на волнах странствующего альбатроса сердце бьется чаще, чем во время планирования. У чернобрового альбатроса (*Thalassarche melanophris*) полет отнимает не больше сил, чем высиживание яиц в гнез-

де. А изучавшие метаболизм сероголовых альбатросов (*Th. chrysostoma*) ученые отметили, что затраты энергии на полет у них «ничтожно малы». Раскрою вам один из секретов этих птиц: все долгие часы, а иногда и дни полета альбатросам не требуется удерживать вес крыльев. Система из крючковидного отростка на плечевой кости и особых сесамовидных косточек в локтевом суставе позволяет им устойчиво зафиксировать крылья в раскрытом положении, что немного напоминает механизм складного ножа.

Безмятежное кружение этих птиц-великанов над бушующим морем всегда производило сильное впечатление на мореплавателей в непогоду. Чарльз Дарвин во время кругосветного путешествия 1833 года на корабле «Бигль», застигнутый бурей у мыса Горн, писал: «Удивительно было наблюдать за тем, как плавно скользит по ветру альбатрос, тогда как от нас движение вперед требовало невероятных усилий».

Несколько лет назад, когда недалеко от тех мест наш 80-метровый корабль попал в сильнейший шторм и сутки не мог сдвинуться с места, я наблюдал за тем, как альбатросы самым непостижимым образом парили в воздухе, невзирая на ураганный ветер: они кружили над нашим парализованным судном с невероятным спокойствием, не обращая, по видимому, ни малейшего внимания на оглушительный рев пенных волн. В XIX веке, заинтересовавшись парением альбатросов, капитан Жан-Мари Ле Бри подстрелил одного из

них. Подставив крыло птицы ветру, он был настолько поражен его аэродинамическими свойствами, что, по его же словам, мгновенно постиг тайну полета. Позже в Бретани Ле Бри построил из дерева и парусины крылатую лодку, которую, конечно же, назвал «Альбатрос». В один из воскресных дней 1856 года ее водрузили на повозку и пустили лошадей во весь опор с холма. Летательный аппарат, пилотируемый Ле Бри, воспарил на сотню метров над землей. Для начала эры авиации оставалось только дожидаться изобретения двигателя, способного обеспечить эту машину энергией.

Мореплаватели столетиями восхищались исключительными размерами и выносливостью альбатросов, но разгадать маршруты океанских путешествий этих птиц не могли. Куда они летают? Моряки строили догадки, иногда довольно близкие к истине. Ученые высказывали ошибочные предположения. Но представить себе всей картины не мог никто, потому что альбатросы живут с невообразимым размахом.

В последние годы появилась возможность отслеживать перемещения альбатросов при помощи передатчиков, посылающих сигналы на орбитальные спутники, и истинный масштаб их путешествий превзошел все ожидания. Прежде чем альбатросы достигнут зрелости, они годами кружат над открытым океаном, никогда не опускаясь на твердую поверхность, порой ни разу не увидев даже проблеска суши на горизонте. В течение жизни они проводят 95 % времени в море, причем большую часть его – в полете. Их изменчивый мир

необузданных вод и ветров пребывает в постоянном движении, а земля необходима им лишь для гнездования. Для того чтобы вывести птенцов, альбатросы разыскивают самые отдаленные острова в сотнях, а иногда и тысячах километров от большой земли. И даже на самых уединенных архипелагах эти птицы часто предпочитают строить гнезда на крошечных окруженных водой скалах, как будто чем меньше вокруг суши, тем им лучше. Когда приходит время покинуть далекий остров и отправиться на поиски пищи для проголодавшегося птенца, альбатросы порой совершают путь в несколько тысяч километров, во время которого выслеживают добычу, спят на лету, охотятся при свете солнца и луны – и все лишь для того, чтобы один раз вдоволь накормить единственного детеныша, большого, ненасытного, готового неделями ждать пищи. За долгие часы полета птицы преодолевают огромные расстояния, проносятся в потоках ветра вдали от берегов, которые лишь изредка мелькают на горизонте. И если бы они прокладывали свой маршрут по экватору, то за год могли бы три раза обогнуть Землю. К 50 годам альбатрос пролетает около 6 миллионов километров.

Альбатрос – весь порождение воздушной стихии и снаружи, и изнутри: его органы окружают воздушные мешки, которые заходят даже в полые кости крыла. Скелет альбатроса – это всего лишь 13 % от общей массы его тела. Вы, вероятно, рассчитываете услышать о мощных летательных мышцах, но и здесь эти птицы вас удивят. У других видов пер-

натых вес этой группы мышц достигает 16 % от общего, а у альбатросов тот же показатель не превышает и 9 %, при этом у таких гигантов, как королевский (*Diomedea epomophora*) и странствующий альбатросы с их тощими бицепсами, он и во все равен скромным 6 %². Эти создания – настоящие воздухоплавательные машины. Именно длинные узкие крылья наделяют альбатросов способностью к неограниченно долгим перелетам. У странствующего альбатроса соотношение размаха крыльев к ширине крыла составляет 18 к 1, как у самых совершенных планеров, созданных человеком. Аэродинамическое качество крыла альбатросов – отношение подъемной силы к лобовому сопротивлению – удивляет пропорцией 40 к 1, что в три раза больше, чем у многих орлов³.

---

² Сейчас выделяют два вида королевских альбатросов – северный и южный. – Прим. науч. ред.

³ У птиц, использующих «статическое парение» в восходящих термических потоках над сушей (орлов, грифов, аистов и др.), необходимая несущая площадь крыла добывается за счет и длины, и ширины. Для альбатросов и их родственников характерно «динамическое парение», использующее разницу в скорости ветра у поверхности моря (где движение воздушного потока замедляется трением о воду) и в более высоких слоях атмосферы. С учетом многочисленных мелких завихрений воздуха, а также периодически возникающей необходимости лететь «галсами» по касательной к направлению ветра, для такого типа полета подходят лишь узкие несущие поверхности. Поэтому достаточная для парения площадь крыльев добывается в основном за счет их длины. У морских птиц, как и у сухопутных, наблюдается увеличение весовой нагрузки на крылья с возрастанием размеров тела. У качурок она составляет около 0,20 г/см², у буревестников и тайфунников – 0,35–0,95 г/см², у крупных буревестников и альбатросов – свыше 1 г/см². – Прим. науч. ред.

Черпая энергию главным образом из природных стихий, королевский и странствующий альбатросы с чрезвычайной легкостью парят в воздухе, но при этом не приспособлены к продолжительному активному полету. Они вынуждены пережидать безветренную погоду, покачиваясь на волнах. Их существование полностью зависит от того, поднимется ли ветер вновь. К счастью для птиц, недостатка в нем нет, по крайней мере пока. И конечно же, стать такими, какими мы их теперь знаем, альбатросы могли только в самом ветреном месте на Земле – в Южном океане, где изобильные потоки воздуха дали жизнь доселе непревзойденной способности к полету.

Почти все в альбатросах совершенно и исключительно. Исключительный размер. Исключительная продолжительность полетов. Исключительная выносливость. Даже у самых мелких представителей семейства размах крыльев достигает почти двух метров. Странствующий и королевский альбатросы обладают самыми длинными крыльями в природе – около 3,5 метра от кончика до кончика. Вес странствующих альбатросов порой составляет 12 килограммов, что в два раза больше веса самой крупной особи белоголового орлана (*Haliaeetus leucocephalus*). Эти пернатые очень велики. Птенцы странствующего альбатроса набирают до 15 килограммов, превосходя своих родителей, а потом теряют в весе перед тем, как встать на крыло. Спустя годы, когда птица достигает половой зрелости, приходит время для поиска пары

и ухаживаний, что нередко занимает не менее двух лет. Королевские и странствующие альбатросы начинают размножаться только к 13 годам. Единственное яйцо, масса которого иногда приближается к 500 граммам, они насиживают в течение двух месяцев. Птицы поочередно сменяют друг друга в гнезде. Альбатросы, чьи партнеры по какой-то причине не вернулись, могут немислимо долго оставаться на месте, поджидая их. Если одна из птиц пропадает или умирает, вторая продолжает высиживать птенца до конца инкубации, теряя до трети своего веса, прежде чем голод вынудит ее отправиться в море. Известен случай, когда альбатрос, который по какой-то причине потерял пару, целых 108 дней преданно насиживал неоплодотворенное яйцо. Для оставшейся в живых особи смерть спутника означает, что она пропустит от одного до четырех циклов размножения, потому что на ухаживания уходят годы. Выведение потомства растягивается самое малое на восемь месяцев, а некоторым видам альбатросов для этого требуется год. При этом за все время, что проходит от появления яйца до первого полета птенца, пара проводит вместе всего от пяти до десяти дней. Многие представители семейства выводят потомство только раз в два года; светлоспинный альбатрос (*Phoebetria palpebrata*) делает это раз в три-четыре года – самый низкий репродуктивный показатель среди птиц.

Самые длинные крылья в природе. Странствующий альбатрос

У живых существ с таким необычайно медленным темпом воспроизводства судьба вида зависит от продолжительности жизни взрослых особей – при этом они исключительно долго сохраняют способность к репродукции и в этом больше похожи на людей, чем на других животных. В долголетию альбатросы также часто не уступают людям. Самым старым представителем вида – а возможно, и самой старой окольцованной птицей в дикой природе – на сегодняшний день является королевский альбатрос, возраст которого составляет около 60 лет. По некоторым оценкам, эти птицы вполне мо-

гут прожить столетие. Хотя сказать наверняка пока сложно, потому что изучать их начали относительно недавно⁴.

В дополнение к описанному сходству с людьми альбатросы хоть и обитают вдали от цивилизации, все чаще и чаще поневоле оказываются связаны с нами одной судьбой. За долгую жизнь во время своих длинных перелетов они успевают столкнуться со всеми видами вмешательства человека в их мир – от рыболовецких траулеров до антропогенных изменений климата. Порождения стихий – ветра, воды, погодных явлений – и дикой природы, альбатросы обитают там, куда человек вторгается самыми разными способами. И как бы ни повлияли люди на океан, альбатросы обязательно это почувствуют.

– Теперь я принадлежу к высшей касте смертных, потому что видел альбатроса! – торжествовал американский орнитолог Роберт Кашмен Мерфи во время своей первой экспедиции по южной части Атлантического океана в 1912 году. Встреча с этими птицами вызывает в людях глубокое чувство сродни религиозному. Однажды утром, когда мы воз-

---

⁴ По последним данным, самым старым, к тому же до сих пор размножающимся альбатросом (и самой старой птицей с документально подтвержденным возрастом) является самка темноспинного альбатроса по кличке Уиздом (Мудрость). Она была окольцована на островах Мидуэй в 1956 году, в возрасте около пяти лет (возраст установлен по промежуточному наряду оперения), и сейчас ей 70. В 2021 году у Уиздом и ее партнера Акиакмая (эта пара образовалась в 2012 году) вылупился еще один птенец. – *Прим. науч. ред.*

вращались после осмотра небольшой колонии странствующих альбатросов на острове в водах Антарктики, один из моих спутников заметил: «У меня такое чувство, будто в церкви побывал».

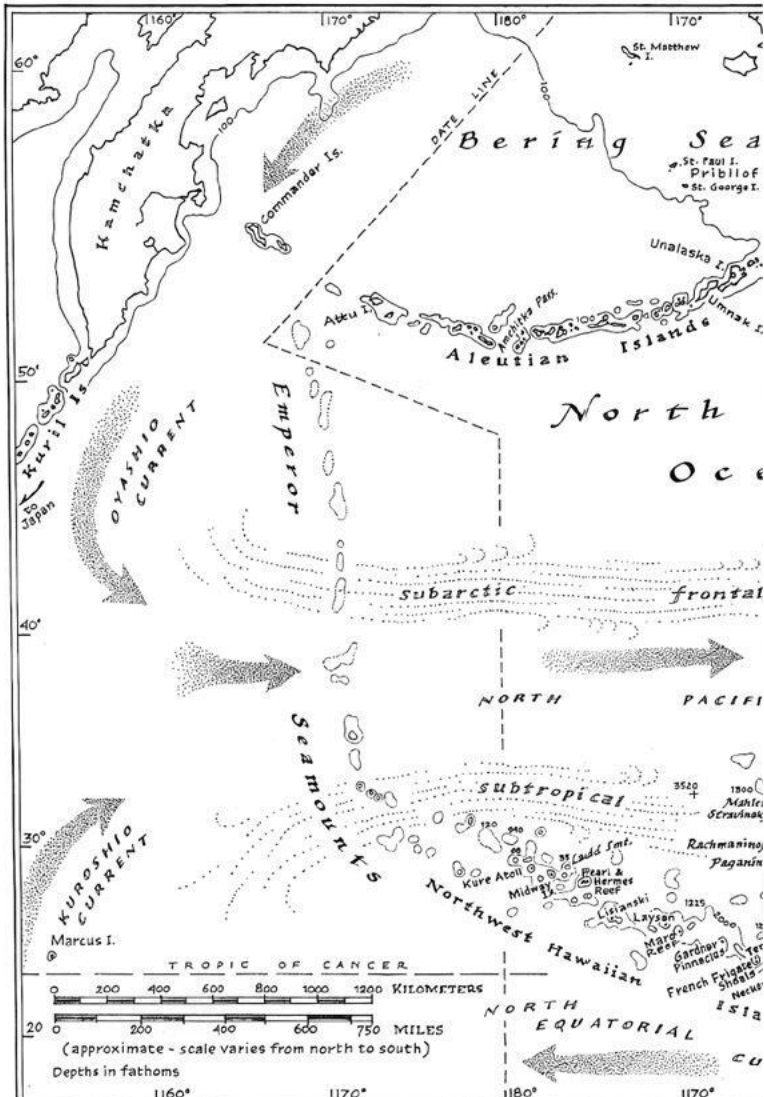
Когда я впервые оказался в месте гнездования королевского альбатроса на новозеландском острове Кэмпбелл, у меня неожиданно возникло ощущение, будто мой рядовой визит напоминает аудиенцию у существ, которые не просто занимают, а по праву населяют эту землю. Казалось, они служат объяснением самого существования острова, олицетворяя собой медленное движение Глубокого времени посреди величественных морских просторов. Прежде чем я направился к спуску с холма, осмотр гнезд успел превратиться в паломничество. Там, в присутствии этих птиц, нами овладело проникновенное чувство, которое позже мы, не сговариваясь, описали одним и тем же словом – безмятежность. Выдающийся орнитолог доктор Фрэнк Джилл, который объездил весь мир, изучая пернатых, вспоминал свои наблюдения за гнездящимися странствующими альбатросами:

– Столько мудрости было в их глазах, повидавших немало за долгие годы! Из всех впечатлений от созерцания птиц именно это стало самым волнующим.

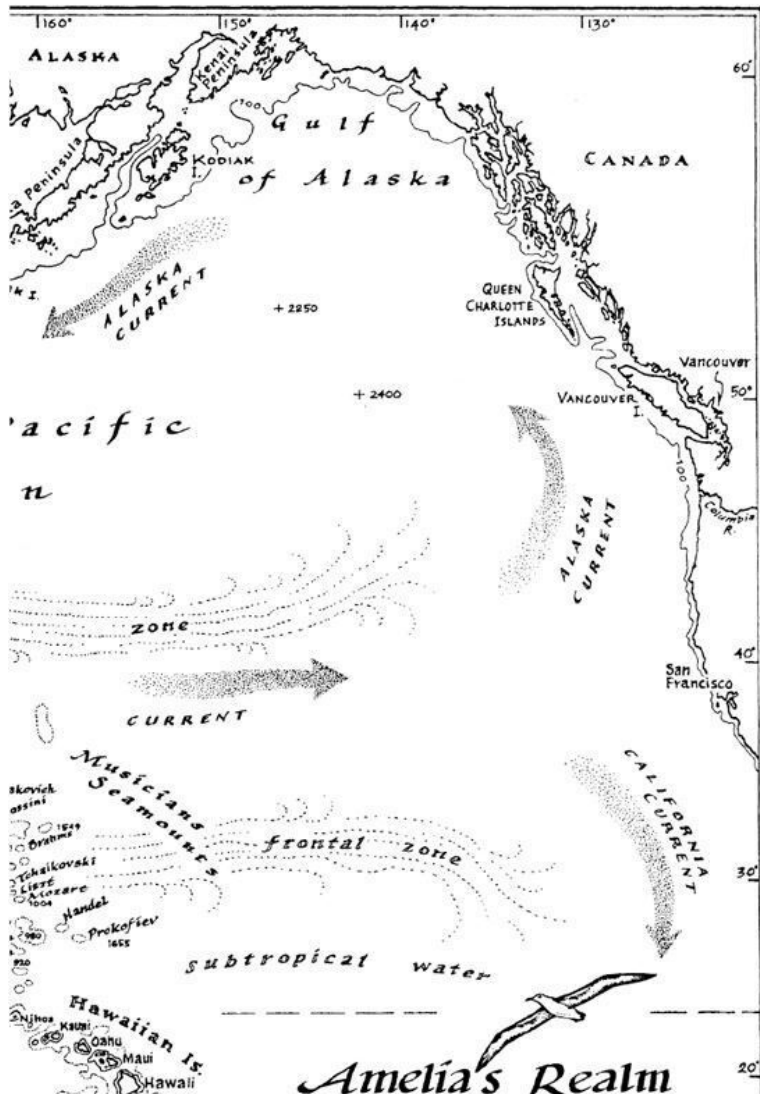
Во время своих путешествий альбатросы встречаются с невероятным количеством живых существ, среди которых другие птицы, рыбы, киты, акулы, морские черепахи, тюлени и некоторые удивительные люди. Следуя за альбатросами, вы

расширите свои горизонты и тоже узнаете этих достойных восхищения обитателей великолепного мира под названием океан.

Знакомство

Переверните картинку вверх ногами – разницы не заметите. Синяя плоскость неба над вами, синяя плоскость моря под вами и облака между ними. Мир морских птиц прост.

Под ослепительно-белыми облаками – темные бескрайние просторы океана. Проносясь на маленьком самолете сквозь висящие над необъятной синевой клубы пара, мы вспоминаем, что наша голубая планета обязана своим цветом облакам и морю, двум состояниям воды. Отсюда можно пробежаться взглядом по бледной дуге горизонта или смотреть на небо и море вокруг. Внизу под нами чуть подернутая рябью арена, и, с какой скоростью ни двигайся, мы всегда остаемся в самом ее центре под куполом небосвода. Я вдруг отчетливо понимаю, что, если забыться и просто смотреть на океан, он выглядит ошеломляюще огромным. Осознание этого приходит постепенно, но становится незабываемым потрясением.

Прошло уже несколько часов с тех пор, как оставшиеся позади главные Гавайские острова растворились в тропических водах, будто кусочки масла на разогретой сковороде. С рассвета, пока солнце все выше и выше поднимается у нас за спинами, пропеллеры, захлебываясь, тянут наш пятиместный самолет к западу от Гонолулу, преодолевая почти тысячу километров пути над морем.

Отсюда на воде видны узоры. Интригующие узоры. Неж-

но-голубой цвет преобладает на зыбкой поверхности океана, но в некоторых местах зазубренные выступы рисуют на ней округлые завитки, похожие на огромные отпечатки пальцев, или спирали, или концентрические круги, выгравированные дыханием ветра. На темных участках проступают длинные светло-синие прожилки, напоминающие стрии на округлившемся чреве Матери-Земли.

Линия, уходящая за пределы видимого, отделяет обширные области светлой воды от более темных. Эта граница между двумя столь разными водными массами наглядно демонстрирует тот факт, что определяет жизнь и передвижения всего находящегося там, внизу: океан не просто чаша с водой, а сверкающая, разнородная мозаика грандиозных размеров.

Спустя несколько часов захватывающего полета на синей поверхности океана проступают едва заметные очертания бирюзового пятна. Постепенно оно начинает обретать четкость: это отмели, окружающие широкую, искрящуюся под солнцем лагуну. Атолл Френч-Фригат-Шолс – конечный пункт нашего путешествия. Ажурные волны разбиваются о риф, диаметр которого составляет около 30 километров. С высоты буруны, набегающие на фестончатые выступы, подобны белому жемчужному ожерелью на бирюзовой шее. Над главной лагуной атолла эффектной доминантой возвышается каменный бастион около 200 метров в длину и 36 в

высоту, заостренный с обоих концов, как топор. Это скала Лаперуза, остаток кратера древнего вулкана, на месте которого возник атолл.

Мы снижаемся. Окружающий нас Тихий океан мягко вздымается и опускается, напоминая своим спокойствием дремлющего кота. Риф круто взмывает вверх из настоящей морской бездны в километры глубины, отчего вода ближе к нему меняет цвет с темно-кобальтового на нефритово-зеленый с белыми барашками волн. На вылизанном прибором гребне рифа кораллы кажутся бежевыми. Их поверхность пересекают борозды, будто оставленные волнами в их бесконечном возвратно-поступательном движении.

Внутри образованной кораллами лагуны дно светлеет ярко-зелеными отмелями, испещренными редкими заплатками темных лавовых глыб. Местами на мелководье проступают плоские островки. Сердцевина некоторых из них зеленеет растительностью, от воды ее отделяет яркий ободок кораллового песка. Другие – низкие настолько, что с них смывает любую зелень, – сияют ослепительной белизной.

Когда мы заходим на посадку, чтобы приземлиться на один из островов – Терн («Крачка»), – второй пилот Рон Лам надевает шлем.

– На случай, если громадный альбатрос пробьет ветровое стекло, – говорит он, затягивая ремешок, и тут же со смешком добавляет: – Или если пилота убьет во время приземления.

Нам со спутником, доктором Дэвидом Андерсоном, шлемы никто не предлагает.

Пилот Боб Джастмен в разговор не вступает. Он сосредоточен и делает все для того, чтобы шлемы нам не понадобились.

Ближе к земле от сопровождавшей нас в воздухе прохлады не остается и следа, и застекленный салон самолета оказывается во власти парникового эффекта. Это яркое подтверждение того, насколько тонка пелена спасительного тепла, окутывающая нашу планету. Все живое на Земле обитает в тончайшем мыльном пузыре.

Стремительно приближаясь к грунтовой взлетно-посадочной полосе, Джастмен замечает:

– Вот это да! Сколько там птиц в небо поднялось!

По обеим сторонам от нас ввысь взмывает великое множество морских птиц. Встречным ветром многих из них сносит в сторону аэродрома.

Вдруг впереди мелькает размытый силуэт, а затем раздается удар в лобовое стекло – такой силы, что, открыв глаза, я удивляюсь тому, что птица не внутри салона.

У Джастмена вырывается крепкое словцо.

– Ну как тут избежишь столкновения? – сокрушается он. Самолет подруливает к месту стоянки.

Остров просто крошечный, метров 800 в длину и 150 в ширину. Я замечаю написанную от руки вывеску со словами: «Добро пожаловать в международный аэропорт остро-

ва Терн, высота над уровнем моря 2 метра». Терн не совсем обычный остров. Во время Второй мировой войны американские военные взяли пятачок суши площадью 0,04 квадратных километра, расширили его, а потом надстроили на нем вытянутый прямоугольник, создав тем самым что-то вроде наземного авианосца. Поэтому «береговая линия» большей частью представляет собой стену из ржавого металла, хотя со временем вдоль нее, особенно со стороны лагуны, образовался небольшой намыв. Примерно треть острова занимает расположенная по центру взлетно-посадочная полоса, а оставшимся по обе стороны от нее пространством завладели растительность и птицы. В здании бывшей казармы, стоящем на краю, теперь живут и работают ученые.

Но как только дверь самолета открывается, мы сразу забываем об искусственном происхождении острова, окруженные гомоном исполняющих брачный танец альбатросов и головокружительными маневрами тысяч морских птиц. С первого же взгляда, с первых же звуков, с первого мгновения становится ясно, что здесь совсем другая жизнь. Вот это да!

Мы выходим из самолета, щурясь от неожиданно яркого солнца, которое отражается от покрытой коралловым песком полосы аэродрома. Посреди живой природы, окруженный со всех сторон водой, сразу чувствуешь, будто попал в самый центр мироздания. А затем понимаешь, что всякий, кому повезло стоять здесь вот так, как мы, просто счастливчик! Мы приземлились всего 30 секунд назад.

В этом месте много пастельных тонов, кораллового песка и многоцветных вод. Окружающая полоску суши лагуна невозмутимо спокойна и кристально чиста. Облака здесь разноцветные. Они похожи на белые паруса, поднятые лишь для того, чтобы отражать фиолетовые, синие и бирюзовые оттенки моря. И повсюду птицы.

Нас встречает человек 10 или 15, среди которых в основном опытные ученые и их молодые коллеги. Они стояли вдоль взлетно-посадочной полосы и прогоняли с нее птиц во время нашего приземления, а теперь собрались, чтобы поприветствовать новичков. Молодая женщина, которая представилась Мелиссой – просто по имени, без лишних церемоний, – говорит, что сбитую нами птицу, темноспинного альбатроса, удар всего лишь оглушил, она ненадолго потеряла сознание, но теперь уже очнулась и чудом цела. Какое облегчение!

Затем к нам подходит девушка лет двадцати в майке и выцветших шортах, покрытых пятнами краски. Это Карен, в руках она несет бурую кланяющуюся крачку, морскую птицу размером с голубя. Наш самолет убил ее. Тысячи других птиц уже возвращаются в свои гнезда, расположенные на кустах или на земле. Но нас не покидает тревога от того, что мы убили одну из тех птиц, ради наблюдения за которыми прилетели так далеко.

Мы проделали долгий путь, чтобы исследовать морских птиц, которые летают на большие расстояния. Обстоятельно понаблюдать за ними люди могут только на крошечном отрезке их жизни – в период высиживания птенцов на суше. Если бы птицы изучали нас подобным образом, им пришлось бы выполнять всю научную работу у нас в спальне. Мы надолго покидали бы «район исследований», а с нашим возвращением они детально регистрировали бы, как мы надеваем пижаму, сколько раз переворачиваемся во сне, и до неприличия подробно описывали бы, как у нас происходит спаривание. Именно так обстоят дела с изучением большинства морских обитателей: мы следим за ними на суше или вытаскиваем их на палубы судов, потому что не способны отправиться за ними туда, где их дом, – в море. Но пришло время перемен. Прикрепляя маленькие, крайне сложные приборы спутникового слежения к крупным морским птицам, тюленям, морским черепахам, громадным рыбам, небольшая группа людей, среди которых – Дэвид Андерсон, выясняет, куда на самом деле путешествуют жители океана.

До недавнего времени никто не догадывался, где бывают альбатросы, когда отправляются в море. Сейчас благодаря новым передовым технологиям мы можем наконец получить ответ на самый важный, основополагающий вопрос: куда они летают? Во время пробного эксперимента Дэйв выяснил, что те альбатросы, которые выводят здесь птенцов, могут пересечь пол-океана в поисках пищи для своего ребенка. В этот

раз он вернулся, чтобы продолжить свои исследования.

Самолет привез все, от необходимых для работы материалов до свежих фруктов, от жидкого азота для хранения анализов крови до каперсов к обеду. Пока остальные приступают к разгрузке, мы с Дэйвом все еще стоим под впечатлением от морских птиц и окружающей обстановки.

Среди тех, кто встречает нас, аспирантка Дэйва Патти Фернандез. Она явно рада видеть профессора, на лицах обоих расцветают улыбки. Руководители нередко испытывают к своим ученикам отеческие чувства, но если между ними присутствует настоящее взаимопонимание, наставник играет в этих отношениях роль особой движущей силы. В нашем случае с первого взгляда понятно, что со взаимопониманием тут все в порядке.

Прямо у нас над головами, словно какой-нибудь легкомоторный самолет, пролетает альбатрос. Всплеснув руками, Патти заливисто смеется.

– Просто чудесно, ведь правда же? Мне так нравится здесь работать!

– Чудесно! Сказка просто! – соглашается Дэйв.

И будто в подтверждение того, что Алиса очутилась в Зеркалье, а Элли попала в Изумрудный город, птица под названием масковая (чернолицая) олуша (*Sula dactylatra*) – кипенно-белая, с маской насыщенно-черного цвета на глазах

и такой же окантовкой крыльев – приближается к нам на больших перепончатых лапах, словно хочет поприветствовать прибывших от лица старшины Страны жевунов. Наша одиссея привела нас в ее вотчину. Дэйв уважительно кланяется ей, точно иностранному дипломату, и вполне официальным тоном говорит:

– Здравствуйте. Рад нашему знакомству.

Патти рисует пальцем круг в воздухе, а птица, не моргая, следит взглядом за ее рукой. Девушка снова смеется. Мы оба улыбаемся. Так и хочется вступить в разговор: «И давно вы олуша? С самого рождения?»

Птичьи гнезда повсюду: на крышах, на стенах и под строениями. Когда мы вносим внутрь свои сумки, я замечаю маленькую белую крачку, которая безо всякого гнезда высиживает яйцо, лежащее на верху постоянно открытой входной двери. Если вы не любите диких животных, вам здесь делать нечего.

Пришло время поближе познакомиться с остальными. Мелисса, чье полное имя Мелисса Шоу, – ветеринар. Она изучает состояние здоровья находящихся под угрозой исчезновения гавайских тюленей-монахов (*Neomonachus schauinslandi*). В состав ее исследовательской команды входят Митч Крейг, Мэри Донохью и Джейсон Бейкер. Орнитологам помогают аспиранты-добровольцы Карен Фишер, Франц Джуола и Лора Карстен. Энтони Виджиано тоже аспирант. Вежливый человек в очках, которому на вид чуть

больше 30 лет, – это Брайан Аллен, управляющий полевой станцией, кудрявый Марк Дефли – его помощник.

Все вместе они – ветеринары наравне с волонтерами – помогают разгружать самолет. Когда груз спущен на землю, каждый из них отправляется прочь с почтой, чтобы поскорее прочесть письма от любящих и любимых или же просто ощутить пульс далекого от них мира.

Прямо у нас над головами, словно какой-нибудь легкомоторный самолет, пролетает темноспинный альбатрос

Кроме открыток и писем, есть еще и посылки с гостинцами. Доктор Бет Флинт из научно-исследовательского центра

прислала кассеты с фильмами и телешоу, которые сама записала для них.

– Кто это, интересно, написал мне из техасского Брайана?

– Никчемные глянцевого журнальчики, чтобы скрасить рабочие будни.

– Счета... подождут пока.

– Рекламные буклеты. И сюда добрались!

– Бабуля меня так любит! Целый килограмм шоколадных конфет мне прислала!

– Тебе прислала или нам?

На двери моей комнаты красуется табличка «Судовой лазарет». Как и сам остров, казармы – наследие военных, доставшееся нам от той эпохи, когда спутниковые системы слежения и ядерное оружие массового поражения еще не сделали подобные сооружения бесполезными. В крыльях расположенного буквой П здания разместились жилые комнаты, а центральную часть занимает общее пространство с обеденным столом, креслами, в которых можно почитать или посмотреть кино, книжными полками и большой кухней.

Жизнь на острове Терн подразумевает, что вы будете питаться вместе со всеми и пользоваться общей ванной комнатой – прямо как в семье. Большинству обитателей доступна такая роскошь, как отдельная спальня, но днем почти все держат двери открытыми настежь для сквозняка. Комнаты зачастую выглядят как в студенческом общежитии: постеры с животными на стенах и плюшевый медвежонок на кровати.

Рассчитывать на щедрый бюджет этому аванпосту Службы охраны рыбных ресурсов и дикой природы США не приходится. Помещения требуют ремонта. В большинстве спален отсутствует электричество. Некоторые туалеты не работают. Но доступные средства благоразумно направляются на то, чтобы обеспечить условия для исследований. Научные сотрудники обеспечены всеми необходимыми ресурсами, налажена неотложная медицинская помощь. В компьютерной висит кондиционер, и связь с большой землей функционирует безотказно. Бесшумные и экологичные солнечные панели заменили ревущие генераторы, которые создают множество неудобств на полевых станциях. Здесь все пронизано любовью к дикой природе.

Как только мы устроились в своих комнатах, Патти ведет нас с Дэйвом на небольшую экскурсию. К нам присоединяется энергичный молодой человек с карими глазами и короткими темными волосами по имени Энтони. Патти провела на острове около месяца, присматривая среди альбатросов тех, к кому позже прикрепят маячки, которые позволят получить представление об их перемещениях в море. Для Патти это первый крупный исследовательский проект, и она понимает, что, стоит ей постараться, он обеспечит ей магистерскую степень и удачный старт научной карьеры. Патти и Дэйв образуют контрастный дуэт. Дэйв – высокий мужчина сорока с небольшим лет. Патти – миниатюрная молодая женщина.

Его предки явно были европейцами. Черты лица Патти говорят о том, что корни у нее латиноамериканские. Дэйв носит бороду, на нем кепка Университета Уэйк-Форест, оберегающая от тропического солнца его не защищенную волосами голову. У Патти длинные, густые и черные как смоль волосы, которые достались ей в наследство от предков-инков. У Дэйва, как и подобает профессору, четкая, грамотная речь. Патти, которая проучилась в США около года, все еще не избавилась от эквадорского акцента, который придает очаровательное звучание самым простым словам.

Несмотря на то что Новый год отпраздновали совсем недавно, стоит жара. Но птичий мегаполис прекрасно отвлекает от зноя. Краснохвостые фаэтоны (*Phaeton rubricauda*) в сияющем жемчужном оперении зависли в воздухе над казармами, покачиваются на ветру и выставляют друг другу напоказ роскошные узкие перья хвостов, двигая ими из стороны в сторону и обращая тем самым внимание на свою утонченную, изысканную красоту. Подобное щегольство помогает им привлекать противоположный пол, но, надо признаться, на меня оно тоже действует. Когда они садятся на землю, вы замечаете, что их мерцающее белое оперение с персиковым отливом оттеняют поразительно черные лапы и черная полоса, которая огибает глаза и заканчивается умопомрачительным завитком, делая птицу похожей на существо из египетской мифологии.

Мы шагаем по взлетно-посадочной полосе – единственно-

му участку на острове, оставленному людям. Лоснящиеся, трепещущие крыльями черные кланяющиеся крачки (*Anous minutus*) размером не больше голубя безостановочно снуют из стороны в сторону на уровне глаз, принося водоросли для новых гнезд. Они, точно ягоды инжира, облепили кусты гелиотропа Фертера и сцеволы с их кожистыми листьями, отчего кажется, что ветви гнутся под тяжестью плодов. Приземляясь, они открывают клювы, в которых вспышкой мелькают яркие красно-оранжевые язычки и ротовая полость. Весьма необычно. Должно быть, это действие передает что-нибудь важное, раз они его постоянно повторяют. Они подпускают нас довольно близко, чтобы мы полюбовались их пепельными шапочками и белой обводкой вдоль нижнего века.

Если черные кланяющиеся крачки гнездятся в кустах, то чуть превосходящие их по размеру бурые кланяющиеся крачки (*A. stolidus*) селятся на земле. Если у первых энергия бьет через край, то вторые ведут себя спокойно и сдержанно. Все эти тонкие удивительные различия, которыми обозначены границы между представителями одного отряда, – сущая отрада для глаз и ума.

На многих кустах в свитых из веток гнездах сидят крупные, размером с ворона, красноногие олуши (*Sula sula*). Хотя окраска каждой птицы может отличаться в деталях, в целом все они имеют красные перепончатые лапы, черную окантовку крыльев и бледно-голубой клюв. Некоторые представители вида выделяются чудесным мягким кофейно-мо-

лочным оттенком. Если подойти к ним поближе, стараясь при этом сохранять безопасную дистанцию, можно заметить нежно-розовые участки у основания клюва и розовую кожу век вокруг глаз.

С земли, из своих небольших галечных гнезд, нас окликают масковые олуши. Эти ребята потрясающе красивы: безупречно-белые с иссиня-черной окантовкой хвоста и крыльев, с черной маской, с ярко-желтыми глазами, украшенными темной точечкой зрачка, и таким же по цвету клювом. Их взгляд кажется насмешливым и немного настороженным.

Что значит название? Очень много. По-английски этих птиц называют *booby*, что означает «болван» или «олух», и это вселяет в нас некоторое предубеждение. В то же время другие представители семейства олушевых – северные олуши (*Morus bassanus*) – по-английски называются *gannets*, и никаких других толкований у этого слова нет. Поэтому все вокруг считают этих птиц очень грациозными – что на самом деле правда, – а их навыки ныряния достойными восхищения – что, конечно, так и есть. Представителей же семейства, обитающих в тропических водах, – в той же мере грациозных и достойных восхищения – окрестили *boobies*, отчего все хихикают над ними и считают их забавными. Но птицы, которым дали столь неподходящее название, – неутомимые ныряльщики, вооруженные остро заточенными клювами, настоящим смертоносным оружием. Эти крепкие прямые зазубренные клювы наносят нешуточные повреждения

любой плоти, будь то летучая рыба или рука человека. В этих местах олуши пользуются уважением⁵.

Все животные здесь непугливы, потому что, не считая нас, в этом месте нет крупных наземных млекопитающих. Благодаря этому в сознании местных обитателей не отпечаталось чувство страха. Но непугливые не означает дружелюбные. Когда вы проходите мимо, они либо не обращают на вас внимания, либо издают недовольные звуки. Протяните руку, чтобы проверить, высиживает ли крачка яйцо, и вместо того, чтобы отпрянуть, она решительно клюнет вас. Клювик-пинцет не причинит серьезного вреда, но даст понять: это ее дом и она вас не боится.

Бесстрашие пернатых делает мир вокруг похожим на рай без хищников. Но присмотритесь повнимательней. Птенец крачки – легкая добыча для фрегата. Копышастые в поисках еды кулики – камнешарка (*Arenaria interpres*) или таитянский кроншнеп (*Numenius tahitiensis*) – с радостью полакомятся яйцом, если выпадет такая возможность. Да и любая из внешне столь мирных морских птиц становится хищником в океане. В раю вы или нет, зависит от того, будете ли трапезничать вы, или кто-то хочет полакомиться вами.

Темные крачки (*Onychoprion fuscatus*) собираются над го-

---

⁵ В русском языке подобную же негативную окраску имеет название «глу-пыш», данное самому распространенному из северных буревестников – *Fulmar glacialis* – из-за доверчивости на гнездовьях. А название «олуша», явно однокоренное слову «олух», уже не имеет столь выраженной эмоциональной окраски. – Прим. науч. ред.

ловами в огромные клубящиеся облака и проводят в воздухе целый день, не приземляясь до заката. У этих птиц черная спинка и белое брюшко, элегантный хвост вилочкой и белый лоб. Своим писком, похожим на звук сдавленной резиновой игрушки, они словно бы говорят: «Начеку, начеку». Пока сюда вернулось около десяти тысяч из них. Они составляют авангард, около десятой части от общего числа тех, кто прилетит на остров высиживать птенцов, – всего лишь первое дыхание живого урагана, который будет гнездиться здесь следующие несколько месяцев. Большая часть остается в океане. Вы ждете от скользящих над головой птиц, что они захотят поскорее опуститься на землю, потому что в море они, по всей видимости, летают без остановок, не зная отдыха. Приземляются они только для гнездования. Молодняк, вероятнее всего, проводит в непрерывном полете до пяти лет, прежде чем коснется земли, чтобы впервые вывести потомство. Неудивительно, что приземление требует от них значительных усилий.

Здесь, в бескрайнем океане, многие птицы наделены предельно развитой способностью к полету. Суша для таких, как они, имеет второстепенное значение. Представители семейства фаэтоновых (Phaetontidae) показывают в воздухе высший пилотаж, но на земле становятся беспомощными. Они сократили нагрузку на крылья во время дальних морских перелетов, пожертвовав мышцами ног. Стоять они не могут. Печально наблюдать, как, отталкиваясь от земли обеими ла-

пами, они продвигаются вперед, ударяясь грудкой о поверхность при каждом «шаге». Удивительное и жестокое зрелище. Их близкие соседи и дальние родственники из семейства фрегатовых (Fregatidae) обладают огромными для своих размеров крыльями – вполне возможно, что по соотношению площади парусности к весу тела с ними не сравнится никто из пернатых. Для птицы с почти двухметровым размахом крыльев большие фрегаты (*Fregata minor*) невероятно легки: всего полтора килограмма. Оперение у них, судя по всему, весит больше, чем скелет. И так же, как у фаэтонов, ноги у них мало к чему пригодны. Фрегаты не могут садиться на воду. Не могут плавать. Почти не могут ходить. Пальцы с заостренными когтями предназначены исключительно для того, чтобы схватиться за ветки во время приземления. Фрегаты созданы для полета и снабжены механизмом для захвата пищи – в них нет ничего лишнего.

Но все, что фрегаты делают, они делают потрясающе ловко. В открытом море они добывают себе пропитание, преследуя и грабя птиц, угрожая им своим крючковатым клювом, пока те не уронят или не срыгнут добычу. Большинству птиц хватает здравого смысла, чтобы не доверять им и не оставлять птенцов без присмотра.

Взгляните на этих темных птиц, на их струящийся хвост вилочкой, на причудливый излом длинных крыльев. Их силуэт в полете напоминает очертаниями арбалет, что сообщает им самую что ни на есть зловещую грацию. С десятков та-

ких птиц курсирует из стороны в сторону на упругой воздушной подушке с наветренной стороны острова. Олуша совершает ошибку, возвращаясь на сушу именно в этом месте. Один из фрегатов немедленно бросается в погоню, остальная стая тут же следует за ним. Олуша пытается увильнуть, но фрегат маневрирует в воздухе со знанием дела, словно держит ее на тепловизионном прицеле. Очень скоро к нему присоединяются сородичи, и олуша предпочитает смириться с судьбой и заплатить им дань. Падающую рыбу немедленно подхватывает «главарь» фрегатов.

Боковым зрением я замечаю какое-то пятно и вовремя пригибаю голову, потому что сразу вслед за этим масковая олуша врезается в меня с такой силой, что жесткий козырек кепки шлепает меня по лицу, а оглушенная птица падает на землю – такова расплата за невнимательность в полете. Должно быть, она не обращала внимания ни на кого, кроме фрегатов. Если бы я не надел кепку, мне в лицо вонзился бы клюв размером с морковку. Птица встает на ноги и улетает.

Фрегаты, не пожелавшие подняться в воздух, собрались на самых высоких кустах. Сейчас у них брачный сезон, и самцы в темном оперении раздули чувственные алые горловые мешки в форме сердца в надежде привлечь ими самку. Так и сидят они с этими набухшими, туго натянутыми мешками, не знаящие стыда, откровенно сексуальные, внешне бесстрастные, спокойные и довольные собой, в полном осознании собственной привлекательности – и все же немного

сомневающиеся в том, достаточно ли они очаровательны и достаточно ли хороши, чтобы победить в суровом состязании за пару. Пролетающая поблизости самка мгновенно подвергает в трепет противоположный пол. Вот она садится в самую гущу нарядных самцов, напоминая там колючку среди роз, и пухлогрудые воздыхатели забывают себя от страсти: хлопают распростертыми крыльями, качают головами из стороны в сторону, потряхивая своими большими округлившимися воздушными шарами и издавая жутковатые подрагивающие стоны. Несмотря на призывы жгучей страсти, исходящие от самцов, самка выглядит совершенно равнодушной. Но она прилетела сюда не просто так, а чтобы определиться с выбором. Кто на вид сильнее? Кто старше и прожил дольше? Кто отвоевал себе лучшее место на кусте? Подходит ли ей кто-нибудь из них? Она оценивает кандидатов. А после просто улетает, оставляя в кильватере трясущихся, клочкующих и щелкающих клювами самцов.

Вдоль песчаного намыва под кустами лежат, точно желтоватые бревна, спящие гавайские тюлени-монахи, редкие животные, находящиеся под угрозой исчезновения, для которых эти острова – единственное место обитания. На влажном песке у воды, омытый и убаюканный плеском мелких волн с лагуны, дремлет самец зеленой черепахи (*Chelonia mydas*) внушительных размеров – весом около 140 килограммов. Этот архипелаг – одно из немногих оставшихся на Земле мест, где морские черепахи регулярно выбираются на берег

не только откладывать яйца, но и просто греться на солнце в течение дня.

Темная крачка лежит на сухом песке. Жизнь оставила ее. Я приподнимаю птицу за остренький клювик, пробегаю рукой по покрытому мягким оперением телу. Она мертва. Яркая. Гладкая. Настолько прекрасная, что к ней так и хочется прикоснуться, тем более что это проявление восторга больше не потревожит ее. Похоже, на ее тельце нет никаких повреждений, и все же она мертва. Воображение рисует нам приведшее к трагедии столкновение с другой крачкой в темноте. Патти просит взглянуть на птицу и бережно берет ее у меня из рук. Поглаживая мертвую крачку, она говорит:

– Я знаю, что есть много причин беречь природу, но мне кажется, что в первую очередь мы заботимся о ней потому, что она красива.

Альбатросы вовсе не самые многочисленные птицы в этих краях, но благодаря более чем трехметровому размаху крыльев они обращают на себя внимание. Здесь водятся два вида этого семейства: темноспинный и черноногий (*Phoebastria nigripes*) альбатросы. С перерывом в несколько минут птицы, которые возвращаются из открытого моря, пересекают бледное тропическое мелководье. Некоторые из них пролетают у нас над головами на своих внушительных изогнутых крыльях. Другие летят низко, почти касаясь песка. Силуэт их крыльев рисует плавную дугу, похожую на наконечник кир-

ки. На столь близком расстоянии они кажутся невероятно огромными.

Один из темноспинных альбатросов легко скользит в воздухе над побережьем острова то в одну, то в другую сторону, взмывая все выше с каждой сменой направления. Он делает это много минут подряд. Можно размышлять над тем, сколько энергии птица тратит таким образом впустую, но вот ответить на вопрос, зачем она это делает, будет непросто. Я чувствую, как во мне просыпается радость, светлая и легкая, будто я только что прикоснулся к проверенной временем истине.

Иногда альбатросы приземляются неуклюже: они приближаются к поверхности чуточку быстрее необходимого, не в силах сразу прекратить движение, задевают за растения и едут вперед на груди. Но чаще они садятся на землю ловко и довольно эффектно, особенно если принять во внимание, что до этого им много недель подряд не доводилось ступать на твердую поверхность.

Никаких торжественных приветствий. Никаких фанфар. Только птица в гнезде, которая насиживала яйцо все то время, пока ее партнер странствовал в морях. Но их воссоединение и смена караула не сопровождаются ликованием. Похоже, птица с неохотой уступает свое место. Удивительно! Можно было бы ожидать, что после проведенных в гнезде недель голод и терпеливое ожидание – как, впрочем, и откровенная скука – станут невыносимы и она поскорее выпрыг-

нет из гнезда при виде партнера. Ничего подобного! Птица буквально прикипела к месту, и прибывшему альбатросу иногда приходится чуть ли не сталкивать своего спутника или спутницу жизни с гнезда.

Мы вместе с Патти, Дэйвом и Энтони наблюдаем за тем, как один из таких вернувшихся домой альбатросов пытается оттеснить свою подругу. Энтони объясняет:

– Очень часто у них уходит по полчаса на то, чтобы поменяться местами. А иногда одна из птиц часами пытается сесть на яйцо, а другая не уступает ей место – будто она в трансе.

Когда после долгого перерыва альбатрос отправляется в путь, ему требуется много места для разбега. Некоторые из них пересекают всю взлетно-посадочную полосу в 35 метров шириной, прежде чем поднимутся в воздух. Если дует ветер, они всегда бегут против него, машут распростертыми крыльями и громко барабанят лапами по земле. В конце концов задача по преодолению земного притяжения переносится с ног на крылья, и они величественно взмывают в воздух.

* * *

Когда преодолеваешь расстояния на самолете с реактивным двигателем, как-то перестаешь отдавать себе отчет в том, сколько километров водной глади отделяют Гавайи от континентов. Гавайский архипелаг представляет собой са-

мую изолированную группу островов на Земле. Это наиболее отдаленный от материков участок суши. Только представьте себе: он до такой степени обособлен, что треть видов рыб, обитающих в здешних рифах, не встретить больше нигде. Из сотен видов кораллов Тихого океана только десятая часть попала в район Гавайских островов. Никто из наземных млекопитающих, за исключением одного вида летучей мыши, не смог добраться сюда. Птицы нечасто достигали этих мест, однако большая часть обитающих здесь сухопутных видов – генетические потомки тех редких пернатых, которые, сбившись с курса, случайно залетели на архипелаг, а потом эволюционировали и приспособились к местным условиям.

Цепь островов и атоллов под названием Северо-Западные Гавайские острова – часть архипелага, находящаяся далеко даже по местным меркам. Она растянулась больше чем на 1600 километров к западу от того, что обычно принято считать Гавайями. Вся цепь состоит из отдельных точек и мазков в открытом море – скал, атоллов и прочих осколков едва выступающей над поверхностью моря суши, о которых вы, вероятнее всего, никогда не слышали: острова Нихоа и Некер, атолл Френч-Фригат-Шолс, скалы Гарднер, риф Маро, острова Лайсан и Лисянского, риф Перл-энд-Хермес, атолл Мидуэй (единственный, чье название широко известно, потому что здесь произошло решающее морское сражение Второй мировой войны) и атолл Куре. Десять за-

терянных в океане участков суши от скромного рифа Марро с его единственной возвышающейся над водой вершиной или скал Гарднер площадью 0,024 квадратных километра до атолла Мидуэй, площадь которого составляет 6 квадратных километров. Острова, покаящиеся своим основанием на дне океана и при этом постоянно перемещающиеся благодаря движению тектонических плит, стали крошечными оплотами земной тверди, куда не добрались серфингисты, бикини, пляжные туры, медовые месяцы в июне и тому подобное⁶.

Небольшие размеры и удаленность не мешают им привлекать огромное количество пернатых: 6 миллионов особей 18 видов морских птиц прилетают сюда выводить птенцов. Если учитывать молодняк и тех, кто еще не готов к размножению, их число возрастет до 14 миллионов. Составляя всего десятую долю процента от общей территории Гавайев, эти острова становятся местом гнездования для 95 % морских птиц региона. Среди них 600 000 пар темноспинного альбатроса и 60 000 пар черноногого альбатроса, что фактически составляет почти всю мировую популяцию этих двух видов.

---

⁶ Весь архипелаг имеет вулканическое происхождение и появился благодаря медленному прохождению океанической литосферной плиты над «горячей точкой» в мантии планеты, где восходящие потоки магмы периодически прорывают плиту в виде вулканов, выбрасывающих лаву и образующих гористую сушу над поверхностью моря. В результате более «старые» (северо-восточные) острова архипелага уже превратились в низкие атоллы, а самые «молодые» (юго-восточные) еще представляют собой высокие участки суши с богатой флорой и фауной, где периодически происходят извержения щитовых вулканов (например, Мауна-Кеа, Мауна-Лоа на о. Гавайи). – *Прим. науч. ред.*

Благодаря такой концентрации птиц жизнь здесь буквально кипит.

Остров Терн, на котором мы находимся, тоже входит в состав этого благословенного архипелага. Подаривший ему жизнь атолл Френч-Фригат-Шолс представляет собой неровную окружность скалисто-коралловой платформы диаметром около 32 километров, испещренную едва заметными крапинками суши. Хотя это самый крупный из гавайских атоллов, бóльшая часть его поверхности скрыта под водами лагуны. При длине не больше полутора километров остров Терн – самый крупный из всех. Другие слишком малы для долгих прогулок, и их часто перехлестывают волны.

Но эти миниатюрные островки – естественные питомники для диких животных, населяющих океан, в том числе территориальные воды США и других стран. Иными словами, без этой спокойной гавани природный мир северной части Тихого океана сократился бы. И пусть даже площадь этих крупиц суши ничтожно мала в сравнении с бескрайними просторами его вод, их значение для экосистемы региона велико – столь же огромно, как и сам океан.

В XIX веке жаждущие обогатиться заготовители пера пошли в наступление на птиц и их острова. Перья стали необычайно модны и в Америке, и в Европе – настолько, что очень скоро их добыча стала угрожать истреблением многочисленным видам птиц. То, что отдельные представители класса

пернатых скоро исчезнут насовсем, беспокоило немногих, но среди них оказался президент Соединенных Штатов Теодор Рузвельт. Любитель морских птиц, он положил конец такому положению дел. В 1909 году, воспользовавшись президентской привилегией издавать указы, он основал на Гавайских островах птичий заповедник, который теперь называется Государственный морской заповедник Северо-Западных Гавайских островов. Рузвельт был инициатором создания государственных заповедников, и этот стал вторым после знаменитого Йеллоустона. Кроме Френч-Фригат-Шолс его территория охватывает все острова северо-западной части архипелага, за исключением отдаленного атолла Куре. Прошло больше столетия, а мы по-прежнему отдаем дань дальновидности Теодора Рузвельта и восхищаемся его способностью к состраданию, благодаря которой появились природные заказники, лесные заповедники и национальные парки.

Прозорливость Тедди Рузвельта достойна восхищения еще и потому, что популяция птиц, гнездящихся на других островах в тропических широтах Тихого океана, понесла серьезный урон. Доктор Бет Флинт из Службы охраны рыбных ресурсов и дикой природы США недавно обнародовала отчет о популяциях морских птиц в 26 странах тропического пояса Тихого океана. Она пишет, что из указанных ею стран «лишь восемь, возможно, имеют жизнеспособные колонии уязвимых видов и лишь в шести из них имеются законы, охраняющие места обитания птиц, а также планы меро-

приятый по их защите. И только отдельные страны из перечисленных на самом деле реализуют мероприятия по охране птичьих колоний». Более 90 % морских и сухопутных птиц, которые за последние несколько столетий перешли в разряд исчезнувших, гнездились на островах. Появление человека и домашних животных на отдаленных участках суши означает, что для пернатых наступают непростые времена.

Гавайский архипелаг

Мы останавливаемся, чтобы понаблюдать за альбатросом, который одиноко сидит в гнезде всего в нескольких шагах от порога. По задумке Патти, эта птица должна одной из первых принять участие в эксперименте со спутниковым слеже-

нием. Я решаю назвать пионера научного воздухоплавания Амелией.

Должен признаться, птица, которой я силюсь восхищаться, не самая занимательная из тех, что мне довелось видеть. Амелия уже вторую неделю несет вахту, насиживая единственное яйцо и не обращая внимания на происходящее вокруг. Подобно слону Хортону из сказки доктора Сьюза, сидящий на гнезде альбатрос предан яйцу – на все сто! В гнездах – а они вокруг нас повсюду – птицы выглядят отрешенными от действительности. Они избегают зрительного контакта. Неделю за неделей сидят они в задумчивом оцепенении: в основном дремлют, спрятав клюв под крыло и закрыв глаза, и при этом время от времени приподнимают веки, чтобы проверить, на месте ли остальной мир. Вы им безразличны. Если альбатросы и следят за вами краем глаза, клюв из-под крыла они все равно не вынут, даже когда вы будете проходить мимо.

Я-то им безразличен, а вот они мне – нет. Я иду позади своих спутников, чтобы все как следует рассмотреть и постараться заметить нюансы. Изящество, похоже, дается альбатросам без особых усилий: их непосредственная красота сродни детской.

Такое ощущение, что черноногих альбатросов окунули в шоколад. Они цвета шоколадного кекса – столь же темные. Их черно-коричневое тело держат полностью черные лапы. Головку украшают пепельно-серая окантовка основа-

ния клюва и нежная светлая линия вдоль нижнего века, которая контрастирует с темным оттенком глаз. Они ходят, наклонившись вперед, втянув шею в плечи и раскачивая головой из стороны в сторону, что придает им преувеличенно-сгорбленный вид, как у комично-зловещего гангстера в исполнении Граучо Маркса⁷.

Темноспинные альбатросы, наоборот, ходят вразвалочку с вытянутой шеей, высоко поднимая ноги. Темная пелерина крыльев оттеняет их белое тело. Узор на головке выглядит так, словно нанесен из аэрографа. Черные глаза обрамляет белая подводка век на фоне красивой темно-пепельной маски, которая плавно переходит от интенсивного черного сверху к жемчужно-серому оттенку по бокам от клюва. Желто-оранжевый или розоватый у основания клюв к кончику становится светло-серым.

Строение клюва этих птиц делает его мощным оружием. Он состоит из десятка отдельных пластин, как бы спаянных между собой, и заканчивается похожим на коготь крючком. С таким шутки плохи, и почти у каждого, кто работает с альбатросами, есть шрамы, подтверждающие это. По обеим сторонам клюва расположены жесткие трубчатые ноздри, обозначающие принадлежность альбатросов к отряду трубконосых (*Procellariiformes*)⁸.

---

⁷ Граучо Маркс – американский комедийный актер мюзиклов и кино. – *Прим. перев.*

⁸ Рамфотека (роговая оболочка клюва) состоит из нескольких парных и непар-

Вовсе не перья – как раз жесткие, – а плавные градации цвета – переходы и переливы – придают облику альбатросов мягкость, а еще просвечивающие сквозь оперение участки кожи. Неожиданно оказывается, что лапы у альбатросов местами чешуйчатые, как у рептилий. В просветах между чешуйками кожа нежная, а перепонки между длинными пальцами мягкие, словно замша. Оперение альбатросов образует плотную и на удивление жесткую броню, защищающую от холодного моря, пронизывающего ветра и обжигающего солнца.

Эти птицы проводят всю свою жизнь под открытым небом. Им неведомо, что такое укрытие. Они не ищут приюта, а напротив, с готовностью встречают самые суровые погодные условия: на них обрушиваются и жара, и холод, и ве-

---

ных роговых щитков, соединенных видимыми швами. Старое название отряда буревестникообразных – трубконосые (Tubinares) – отражает общую черту этих птиц: ноздри заключены в роговые трубки, направленные вперед и более или менее выдающиеся над поверхностью клюва. Эта анатомическая особенность связана с тем, что секрет хорошо развитых солевыводящих надорбитальных желез, представляющий собой капли вязкого, перенасыщенного солью раствора, при полете должен с силой «выстреливаться» из ноздрей. В противном случае при сильных встречных течениях воздуха, возникающих во время полета, выделение секрета было бы затруднено. Трубнообразное строение ноздрей обуславливает также хорошее обоняние птиц. Оно используется для поисков пищи и гнездовых колоний, особенно в условиях плохой видимости (дальнее дистанционное обоняние), а также при непосредственном сборе корма, во внутри- и межвидовых отношениях (ближнее дистанционное обоняние). Большинство трубконосых обладает видоспецифичным (иногда довольно сильным) запахом. Степень развитости обоняния достигает особенно высокого уровня у видов, склонных к питанию падалью и отбросами. – *Прим. науч. ред.*

тер, и вода. Они – выносливые создания.

Название «альбатрос» происходит от арабского слова *al-qadous*, обозначающего пеликана, которое, в свою очередь, берет начало от греческого слова *kados*, что означает «черпак древней водяной мельницы» (и отсылает нас к вместительному горловому мешку птицы, похожему на ведро). Испанские и португальские путешественники исказили произношение слова до *alcatraz* или *alcatraz*. Мореплаватели средиземноморского региона, исследовавшие Атлантику и Карибский бассейн, начали обозначать знакомым названием незнакомых птиц, распространяя слово *alcatraz* на родственников пеликанов: бакланов, олуш и фрегатов. В XVI веке путешествовавшие по южным морям смельчаки возвращались с рассказами об огромных морских птицах, которых никто в Европе до этого не видел.

В 1593 году сэр Ричард Хоукинс, впервые столкнувшись с величественными альбатросами, поделился своими наблюдениями: «Во время шторма некие громадные птицы... парили над нами... и от одного кончика их распростертых крыльев до другого было не меньше двух морских сажень [3,6 метра]». К началу XVII века английские мореходы переняли испанское название. В 1638 году купец Питер Манди, путешествовавший к берегам Мадагаскара, писал: «*Allcatraz* – самая большая морская птица из тех, что мне довелось повидать... она кажется совершенно неподвиж-

ной, когда безмятежно парит над самой поверхностью воды». Постепенно английский язык сменил жесткое арабское «к» на «б», и в 1673 году британский путешественник Джон Фрайер писал уже о птицах под названием *albetross*, которых он встретил у берегов мыса Доброй Надежды на пути в Индию, а опытный мореплаватель Уильям Дампир в заметках 1697 года описывал исключительные размеры птицы *alगतross*. Совершивший кругосветное плавание в 1719–1722 годах Джордж Шелвок восхищался «самой большой морской птицей... с размахом крыльев около четырех метров» и называл ее *albitros*.

В журнале Шелвока есть описание шторма в районе мыса Горн, во время которого черный альбатрос «уныло сопровождал нас в течение нескольких дней, паря над нами, словно потерянный». Офицер из команды Шелвока, «заметив в очередном приступе меланхолии, что птица постоянно держится неподалеку от нас, вообразил, что ее черный цвет сулит нам несчастья. ...В подкрепление его суеверному страху нескончаемо дули встречные ураганные ветра, которые противостояли нам с тех пор, как мы вышли в море». Моряк застрелил альбатроса, вероятно «не сомневаясь, что вслед за этим ветер подует в нашу сторону». На самом же деле после этого на корабль обрушился ураган такой силы, что берега Чили показались на горизонте только шесть недель спустя. К концу 1760-х годов английский натуралист Джозеф Бэнкс, участник первой экспедиции капитана Кука, начал приме-

нять современную форму слова *albatross*, и именно это слово с греческими и арабскими корнями в наши дни используется повсеместно.

В 1797 году английский поэт Уильям Вордсворт прочитал рассказ Шелвока перед тем, как в сопровождении Сэмюэла Тейлора Кольриджа отправиться на долгую ночную прогулку под луной. Пока они шли через вересковую пустошь от поместья Альфоксен до рыбацкой деревушки Уотчет, Вордсворт пересказал Кольриджу прочитанное, после чего тот задумал, а в 1798 году написал «Поэму о старом моряке». Эта грандиозная поэма подарила нам образ «альбатроса на шее». Бытующее среди морских путешественников убеждение, будто убийство альбатроса приносит несчастья, восходит именно к поэме Кольриджа. (Изначально мореходы верили – пусть даже немного не всерьез, – что, умирая, старые моряки возвращаются к жизни в облике альбатросов.)

Сочинение Кольриджа превратило альбатроса в метафору, которая надежно связалась с птицей⁹. Но ее часто используют в искаженном смысле и не к месту. Альбатрос стал символом неизбежной и обременительной обязанности, психологического дискомфорта или социального долга. В англоязычных странах нередко можно услышать, как люди го-

---

⁹ Английский фразеологизм *an albatross around one's neck* – «альбатрос на шее» – означает тяжкое бремя, обузу. Его авторство приписывают С. Т. Кольриджу, который впервые употребил это выражение в «Поэме о старом моряке», но в ином смысле. У поэта альбатрос, висящий на шее погубившего его моряка, – напоминание о преступлении против природы. – *Прим. перев.*

ворят что-нибудь вроде: «Этот проект был настоящим альбатросом у нее на шее». Самым непостижимым образом эта птица вдруг оказалась злодеем, коварным созданием. Но альбатрос вовсе не то же самое, что *белый слон* (английский фразеологизм, обозначающий нечто громоздкое, обременительное и никому не нужное, вроде доставшегося в наследство огромного обветшалого дома, продать который невозможно) или *кандалы* (слово, которое мы используем в переносном значении, подразумевая под ним эмоционально обременительные взаимоотношения). Только если вы попали в затруднительное положение по своей собственной вине, если вы страдаете заслуженно, это, говоря метафорически, и есть ваш «альбатрос». Согласно содержанию поэмы, герой вынужден носить на шее альбатроса, которого убил. Груз собственной вины является для него наказанием и напоминанием о содеянном.

Я дело адское свершил,
То было дело зла.
Я слышал: птицу ты убил,
Что ветер принесла...

В последовавшем за этим полном штиле корабль стоит совершенно неподвижно под «горячими, медными небесами», с которых палит «солнце, точно кровь». В конце концов весь экипаж корабля, кроме самого Моряка, погибает, изнуренный страшной жаждой: «Вода, вода, одна вода. // Но чан ле-

жит вверх дном...», или «В гортани каждого из нас // Засох язык...», или «С засохшим, черным языком // Кричать мы не могли». Таким образом альбатрос, который приносит с собой ветер, повелевает не только погодой, но и жизнью человека – обстоятельство, которое члены экипажа судна едва ли готовы понять и принять, пока птица не погибает, после чего всех их настигают последствия ее гибели.

Когда же Моряк наконец осознает великолепие всего живого – и вряд ли кто-нибудь еще решится назвать красивым то, что он при этом видит, – шея его освобождается от бремени. Откровение настигает его в тот миг, когда он наблюдает за морскими змеями, которые скользят вдоль борта корабля в лунном свете, оставляя светящиеся следы на поверхности океана.

Где тени не бросал корабль,
Я видел змей морских:
Они неслись лучам вослед,

.....

Наряд их видел я, –
Зеленый, красный, голубой.
Они скользили над водой,
Там искрилась струя.
Их красота и счастье их.
Они живыми были! Как
Их прелесть описать!
Весна любви вошла в меня,

Я стал благословлять:
Святой мой пожалел меня,
Я стал благословлять.
Я в этот миг молиться мог:

.....

И с шеи наконец,
Сорвавшись, канул Альбатрос
В пучину, как свинец.

В результате Моряк, научившийся ценить всех живых существ, освобождается от проклятья и бремени, служивших ему наказанием за убийство безобидной птицы, которым он навлек несчастье на своих товарищей. Ветер поднимается, и корабль волшебным образом движется к родным берегам. Кольридж, понимая природу как творенье Божье, с которым люди крепко связаны, похоже, был серьезно озабочен преступлениями человека против нее. Отсюда и эти звучные строки:

Самодержавный властелин
Страны снегов и мглы,
Любил ты птицу и отмстил
Хозяину стрелы.

И чуть дальше поэт продолжает эту мысль:

Тот молится, кто любит все –
Создание и тварь;

Затем, что любящий их бог
Над этой тварью царь.

Эта мысль о взаимосвязанности всех живых существ через Творца стала для Кольриджа ведущим мотивом. И в 1817 году он еще более прямо высказался о тесных отношениях всего живого: «Каждое творенье имеет собственную жизнь, и... все мы при этом единая жизнь».

Кольридж не единственный, кто почувствовал особую притягательную силу альбатросов. Даже в научной номенклатуре этих птиц постоянно наделяли метафорическим и символическим значением, приписывали им разнообразные качества – от героической доблести до умения внушать страх и быть вестниками беды. Латинское название рода, к которому традиционно относили большинство альбатросов, звучит как *Diomedea*. Диомед – brave воин, герой поэм Гомера. Во время одного из походов он вызвал гнев богини мудрости Афины, и в наказание за это она обрушила на его корабль ужасный шторм. Когда, вместо того чтобы раскаяться, некоторые воины из его команды продолжили прекословить богине, она превратила их в больших белых птиц, благородных и добродетельных. Род дымчатых альбатросов с темным оперением носит название *Phoebetria*, которое, предположительно, происходит от латинского *phoebetron* – «нечто устрашающее» и от греческого *phoebetria* – «предсказательница» или «гадалка». Название рода *Thalassarche* перево-

дится как «властители морской стихии». Странствующий альбатрос относится к виду *exulans*, что означает «за пределами родной страны», иными словами, «тот, кто живет в изгнании». Возможно, именно так чувствовали себя путешественники и натуралисты, наблюдавшие за птицами во время своих многолетних путешествий, но не сами альбатросы – для них бушующие океанские просторы и есть дом.

Смыслы, которые мы вкладываем в названия обитателей небес и глубин, часто становятся проекцией наших собственных представлений. Но мир вовсе не детская раскраска, которую нам предстоит раскрасить. Когда метафора взята из действительности, это помогает нам лучше понимать самих себя, но, приписывая смысл, вместо того чтобы увидеть его, мы упускаем из виду истинную природу вещей и присущую им ценность, как ребенок, что выводит каракули поверх шедевра живописи. Нагружать образ живого существа вроде альбатроса нашими собственными страхами и воззрениями немного нечестно – нечестно и по отношению к птице, которая страдает от созданных нами ложных представлений, и по отношению к нам самим. Мы упускаем прекрасную возможность познакомиться с другими существами. Зачем заставлять человека носить альбатросов на шее? Иногда альбатрос всего-навсего птица. Как только мы осознаем это, нам откроются новые миры, а на ум начнут приходить метафоры поинтересней.

Мы приехали сюда, чтобы встретиться с альбатросами

и многими другими обитателями этих мест на их территории и в удобное для них время. В этом году альбатросы, как обычно, появились на острове в ноябре и к декабрю уже успели сделать кладку. Первыми, примерно за неделю до самок, прилетели самцы. Когда сформировавшиеся пары встречаются вновь, они обычно пропускают замысловатые танцы, характерные для молодняка. Отдав должное короткому брачному ритуалу, взрослые, хорошо знакомые друг другу партнеры спариваются в течение часа после воссоединения.

Сразу вслед за этим они отправляются в море, чтобы провести там «медовый месяц», который будет длиться примерно десять дней – за это время в организме самки сформируется яйцо. Неизвестно, кормят ли они друг друга шоколадными конфетами, да и вообще, проводят ли это время вместе, но обратно на остров они зачастую прилетают с интервалом в несколько часов. По возвращении в колонию самка откладывает яйцо – как правило, это происходит в течение суток.

Но проследить за их действиями отсюда, с острова, не удастся. Вас приводит в замешательство царящая вокруг суеда: птицы то появляются на острове, то вновь улетают.

После того как самка откладывает единственное яйцо, она старается побыстрее улететь – обычно в тот же день. Поспешность, с которой она отправляется в море за пищей, показывает, сколько сил отнимает у нее этот процесс. Ве-

роятно, из-за того, сколько ресурсов тратит ее организм на формирование крупного яйца, самец берет на себя основную заботу о его высиживании, проводя в гнезде за весь период инкубации примерно на неделю больше, чем самка. В свою первую «вахту» он терпеливо сидит в гнезде и три недели подряд ждет, когда вернется подруга. После наступает ее очередь насиживать яйцо, а он тем временем улетает на две-три недели в море. Дальше промежутки времени становятся короче, чередуясь примерно так: пару недель в гнезде сидит самец, неделю – самка и, если потребуется, еще несколько дней – самец.

Из-за чередования периодов активности и бездействия их физическое состояние постоянно меняется. Прилетают альбатросы упитанными и энергичными, с толстой прослойкой жирка под кожей и вокруг внутренних органов. В это время самцы темнospинного альбатроса весят около трех с половиной, а самки – чуть больше трех килограммов. В первые десять дней самец питается довольно скудно для такого веса и теряет массу, сравниваясь по весу с самкой. Позже в море во время «медового месяца» он восстанавливается. Когда этот период заканчивается, самка откладывает крупное яйцо и мгновенно худеет на 10–12 % от общего веса тела. Она возвращает потерянное в океане, пока самец несет свою первую вахту в гнезде. Тот тем временем насиживает яйцо без еды и воды и вновь теряет в весе. Сменяя друг друга подобным образом, птицы подвергают свой организм серьезным испы-

таниям — каждая из них теряет в гнезде около 20 % массы тела, пока вторая особь восстанавливает силы в море.

Обычно за время инкубации родители сменяют друг друга пять-шесть раз и суммарно проводят в гнезде два месяца: 36 дней в нем сидит самец, а 29 — самка. Это усредненные показатели для темноспинных альбатросов, и они варьируются. (Когда в одной из пар самца убили сразу после того, как самка отложила яйцо, она просидела в гнезде 32 дня вместо одного.) Приблизительно на 65-й день от начала инкубации начинается медленное и изнурительное появление птенца на свет. В течение суток, а иногда и нескольких дней, которые требуются птенцу, чтобы выбраться наружу, родитель оказывает ему всяческую моральную поддержку, но никакой физической или иной действенной помощи — образец идеальной заботы о детях.

Альбатросы очень жизнеспособны. В среднем из 65 % яиц вылупляются птенцы, которые доживают до возраста первого полета. Десятая часть молодых птиц гибнет во время попыток встать на крыло, которые таят в себе немало опасностей. Почти все, кто успешно преодолел этот этап, проживут еще по меньшей мере лет 20. Впрочем, обычно альбатросы живут гораздо дольше. Ученые пока еще не могут с точностью сказать сколько, потому что многие из ныне живущих альбатросов были окольцованы 40 лет назад и пережили некоторых исследователей, мечтавших узнать это.

Большинство альбатросов насиживают яйцо в одиночестве, но некоторым компанию составляют птицы, расположившиеся поблизости. Среди них встречаются пары, которые сидят клюв к клюву. Компаньонами, скорее всего, бывают недавно вернувшиеся из полета партнеры, которые ждут своей очереди занять гнездо. Но иногда это просто гости. У альбатросов сложная, пока плохо изученная социальная организация.

– Смотрите, – говорит Дэйв, – вон там в гнезде сидит птица, а другая подошла к ней, чтобы почистить ей перышки на голове, и первая совсем не против. Что бы это значило? Явно же видно, что это не ее партнер. Может быть, их связывают давние отношения, которых мы не понимаем.

Пока мы наблюдаем за их взаимодействием, Дэйв продолжает:

– Похоже, эти птицы знают друг друга. Допустим, одна из них – отпрыск второй и много лет назад появилась на свет на этом самом месте. А может, они просто знакомы и когда-нибудь в будущем станут парой, если с партнером той, что высиживает яйцо, случится несчастье. Вряд ли нам удастся сказать тут что-то наверняка. Узнать это можно, только если год за годом вести постоянные наблюдения, стараясь понять, как развиваются их отношения. Но организовать такое исследование невероятно сложно. Поскольку морские птицы живут долго, отношения с сородичами играют для них важную роль.

Дэйв добавляет, что один из его студентов недавно завершил продолжительное исследование расставаний среди масковых олуш.

– Он обнаружил, что если вы олуша и расстались вдруг со своим партнером, то вряд ли обзаведетесь потомством на следующий год.

Дэйв говорит, что биологи часто собирают данные о количестве яиц, числе вылупившихся и выживших в гнезде птенцов и тому подобное, но почти не интересуются взаимоотношениями между птицами.

– Человеческое общество буквально зиждется на взаимоотношениях, – говорит Дэйв. – Думаю, мы многое теряем, не уделяя должного внимания тому, как они устроены у других животных.

Несмотря на то что бо́льшая часть альбатросов провела последние месяцы, высиживая птенцов, остается немало и таких, кто продолжает ухаживания. Скорее всего эти птицы не собираются выводить потомство в этом году, но их положение в птичьем обществе не всегда очевидно. Проходя мимо, вы замечаете, что они вовлечены в разные виды ухаживаний: от спокойных взаимных пощипываний клювом до бурных, беспечных танцев. Наблюдать за ними не только приятное развлечение, но и повод задуматься. Заметив, что не все взрослые особи заняты высиживанием яиц, Дэйв размышляет вслух о том, что заставляет птиц отказаться от выведения потомства в отдельные годы.

Объясняя суть главного открытия, сделанного в ходе проводимого им исследования, Энтони говорит, что альбатросы не могут одновременно выкормить птенца и отрастить новые перья после линьки, потому что на каждую из задач уходит почти вся энергия, полученная из добытой ими пищи. Попытка сделать и то и другое закончилась бы для них голодной смертью. Поэтому после года или двух размножения им необходимо делать перерыв, чтобы сменить оперение. Отсюда следует важный вывод. Дальнейшую судьбу вида определяет главным образом то, сколько птенцов за свою жизнь сможет вывести каждый альбатрос. Ученые часто полагаются на то, что они гнездятся каждый год или раз в два года с момента полового созревания до самой смерти.

– То, что птицам приходится пропускать гнездование из-за линьки, может сильно сказаться на общей численности произведенного за жизнь потомства. Нельзя забывать об этом, когда ведутся подсчеты, как, например, повлияет на популяцию альбатросов количество особей, погибших в сетях рыболовных судов. – Энтони обводит рукой окружающих нас птиц и продолжает: – Альбатросы умеют определять, когда партнеру надо пропустить год, а когда он готов к размножению. Иначе они просто-напросто утратили бы обоюдную связь.

Как им удастся сообщать друг другу подобную информацию? И Дэйв, и Энтони согласны с тем, что мы многого еще не знаем о жизни обитателей морей, чей век так долог.

Необыкновенная мягкость и нежность — черноногие альбатросы

Немного отстав от остальных, я сажусь на край припудренной коралловым песком взлетно-посадочной полосы — теперь я на уровне глаз альбатроса — и вижу удивительную картину, столь близкую нам — людям. Эта пара давно сидит рядышком: они нежно пощипывают друг другу оперение на голове, с необыкновенной мягкостью по очереди чистят спинку компаньону, и вид у них при этом такой, будто нет в мире большего блаженства. Вот одна из птиц пробегает клювом по мелким перышкам, растущим у второй под глазами. А та, которой адресованы эти нежности, отводит голову

в сторону, подставляя щечку, шейку. Наблюдая, как трогательно, прикрыв глаза от наслаждения, они ухаживают друг за другом, вы чувствуете, что им это доставляет громадное удовольствие, понятное любому из нас – каждому, кто хотя бы раз в жизни ощутил ласковое прикосновение.

Ухаживание отнюдь не всегда означает намерение создать пару. Некоторые птицы сидят втроем и чистят друг друга. Небольшие группы из пяти-шести молодых особей и птиц постарше танцуют или взаимодействуют как-то иначе. Многие альбатросы, исполняющие брачные ритуалы, еще не достигли зрелости. Сначала молодняк проводит несколько лет в открытом море, после чего год за годом прилетает в места гнездований, где участвует в брачных ритуалах, прежде чем обзавестись парой и начать размножаться. Темноспинные альбатросы чаще всего выводят первых птенцов в возрасте восьми-девяти лет. Значит, танцы сейчас исполняют либо подростки, желающие потренироваться, либо молодняк, готовый вступить во взрослую жизнь. Последние создадут здесь крепкие пары, чтобы на будущий год вернуться, спариться и провести долгие месяцы в нелегких заботах о своем первом птенце.

Я продолжаю путь. Буквально на каждом шагу меня ждет новое открытие, которое усиливает мой интерес к альбатросам с их необыкновенно сложным поведением. Две молодые птицы играют в дочери-матери с остывшим, брошенным яйцом. Одна из них неуклюже пробует насиживать его, воз-

можно, чтобы почувствовать себя взрослой. Я достаточно давно исследую морских птиц, но мне никогда не приходилось слышать о подобных ролевых играх с найденным яйцом.

Безусловно, самая сложная часть ухаживаний альбатросов – их длинные замысловатые танцы, которые длятся месяцами. Почти все птицы, что не заняты высиживанием птенцов, танцуют. Раскачиваясь из стороны в сторону, один из альбатросов приближается к другому: шея у него вытянута, голова наклонена вниз, из горла вырывается высокий дрожащий посвист. Второй отвечает тем же. Они принимаются стучать клювом о клюв, мотать головами из стороны в сторону, будто говорят «нет», которое на самом деле означает «да». Затем пускаются в пляс, синхронно наращивая скорость и совершая все более выразительные движения.

Танцы альбатросов с их раскачиванием, скаканьем и щелканьем клювами напоминают детскую игру на внимательность, где один игрок выкрикивает команды, а остальные стараются вовремя их выполнить, с той лишь разницей, что скорость происходящего не позволяет определить, кто в ней ведущий. Поднимите голову. Опустите голову. Энергично кивайте. Ревите, как ослы. Поднимите клюв прямо к небу и издайте дрожащий посвист. Встаньте на цыпочки с задраным вверх клювом и мычите. Щелкните клювом так, словно кто-то захлопнул деревянную шкатулку. Щелкайте клювом с такой скоростью, чтобы послышался звук «р». Щелкайте

клювом, раскачивая головой из стороны в сторону и тоненько пища. Прижмите голову к шее партнера и щелкайте клювом со скоростью гремющих кастаньет, а теперь – то же самое с другой стороны. Расправьте одно крыло и щелкайте клювом под мышкой. Расправьте оба своих великолепных крыла. Чередуйте раскрытие крыльев с покачиванием головой. Теперь чередуйте крылья с пощелкиванием клювом. Быстрее. Медленно шагайте на цыпочках, опуская и поднимая при этом голову. Кружите с партнером, то низко кланяясь, то запрокидывая голову к небу. Раскачивайтесь вверх-вниз. Выставьте одно крыло. Расправьте крылья и мычите! Ах, как же красиво! Какое замечательное новое оперение!

И они не просто последовательно выполняют все элементы. Танец полностью захватывает их, словно исполнителей священных обрядов – кружащихся дервишей. Эти птицы, путешествующие по миру, танцуют с олимпийским задором. Во время танца все направлено на демонстрацию достоинств, на внимательное изучение действий партнера, на мгновенную согласованность движений. Скорость, координация, синхронность. Они словно бы желают сказать: «Я здоров и полон энергии, смотрите, как быстро я справляюсь» или «Полюбуйтесь на меня: благодаря гладким, крепким перьям из меня выйдет надежный добытчик». Все это для того, чтобы показать и оценить здоровье, силу и превосходное состояние. Успеваешь за мной? Можешь быстрее? Подходишь ли ты мне? А я тебе? Стоит ли мне доверять тебе свое потом-

ство и тратить на тебя лучшие годы моей долгой жизни?

У темнospинных и черноногих альбатросов танцы разнообразнее и динамичнее, чем у других видов. Ритуал порой занимает 15 минут. Исполняется он невероятно энергично; в отличие от стереотипных ухаживаний большинства птиц, каждая пара альбатросов танцует по-своему. К концу птицы постепенно снижают темп, затем кланяются, после чего самка отходит в сторону. Закончив танцевать, альбатросы могут немного посидеть вдвоем, а потом отправиться отплясывать с другими. Танцуют в основном парами: самец и самка. Некоторые – таких меньшинство – объединяются по трое или даже небольшими группами; случается, что компанию друг другу составляют две самки, а вот самцы – почти никогда. В надежде привлечь внимание женские особи проводят в танце около трети всего времени на суше. Странствующий и королевский альбатросы во время брачных ритуалов демонстрируют друг другу свои огромные, широко распахнутые крылья, а более мелкие виды, которые не могут похвастаться таким размахом, избегают этого. Дымчатый (*Phoebastria fusca*) и светлоспинный альбатросы, которых прозвали «сиамскими кошками» мира пернатых за их восхитительно плавные переходы цвета, совершают большую часть ухаживаний в воздухе, во время эффектного синхронного полета. Эти элегантные птицы выделяются изяществом и утонченностью даже среди таких благородных существ, как альбатросы.

Столь замысловатых ухаживаний, как у альбатросов, пожалуй, больше не встретить ни у кого из животных. А все потому, что слишком многое поставлено на кон. Отношения в паре важно сохранить на долгие годы. Это налагает серьезные обязательства. По сравнению с другими представителями животного мира у альбатроса не так уж много возможностей обзавестись потомством, и каждая попытка сделать это требует от птицы очень многого. Альбатросы откладывают одно яйцо за сезон, зачастую еще и не каждый год. Если ваш избранник не приложит исключительных усилий, птенец умрет. Поэтому, когда вы выбираете, в чью корзину положить свое единственное яйцо, чтобы потом неделями сидеть и ждать возвращения партнера, вам необходимо верить в то, что он предан вам. Когда вы рассчитываете, что спустя несколько проведенных в море недель он вернется, чтобы покормить птенца, вам нужно знать, что он предан вам. И когда вы собираетесь вступить в брак и прожить со своим спутником несколько десятилетий, у вас не должно оставаться сомнений в том, что он предан вам.

Именно поэтому брачные ритуалы альбатросов столь сложны. Они предполагают активное участие обеих сторон – одного лишь показательного выступления самца здесь недостаточно. Альбатросы никуда не торопятся. Взаимные ухаживания длятся месяцами, а то и годами. Самки хотят быть уверены в том, что самец вложил уже немало сил и поэто-

му вернется; самцы хотят быть уверены в том, что вкладывают силы в своих собственных птенцов. Не забывайте, что все самцы в некотором смысле заботятся о чужом потомстве, потому что каждый из них высиживает яйцо, снесенное не им самим, а самкой. Отзвуки этой банальной истины вы найдете по всему свету: для представителей сильного пола главным вопросом остается подлинность отцовства. В результате этого психология мужских особей отличается агрессивностью, которая нацелена исключительно на завоевание статуса и территории для того, чтобы привлечь внимание самок, избавиться от соперников и обеспечить тем самым оплодотворение партнерш и появление на свет генетических наследников. Это относится ко всем видам, отрядам, классам и типам животных. Это встречается у фаэтонов, присутствует у стервятников, замечено у жуков и наблюдается у дельфинов. Возможно, это и есть главный источник опасений самцов и причина их повсеместной агрессии и жестокости. Но не забывайте также о том, что, несмотря на обилие гнездящихся здесь альбатросов, почти все самцы, что удивительно, и правда высиживают собственных птенцов, не заблудившись и не перепутав гнезд. За это они, конечно же, должны благодарить самок. У тех как раз нет недостатка в выборе, и они порой этим пользуются. Тут-то и открываются непристойные нюансы хваленой моногамии большинства представителей пернатых, которые образуют пары на всю жизнь: довольно многие из них позволяют себе выходить за рамки доз-

воленного. Очень часто самки стараются, чтобы их оплодотворили самцы старше, авторитетнее и выше по положению, чем их «супруги», потому что возраст и сила – лучшие показатели высококачественных генов, которые так хочется передать собственным детям. Подобные мотивы и стремления свойственны всему животному царству, и в этом плане пернатые – в том числе и отдельные альбатросы – не сильно отличаются от людей.

Все это означает, что долгие затейливые танцы для альбатросов – это возможность обрести уверенность в партнере, заручиться взаимными обязательствами. В начале ухаживаний самка вполне может реагировать агрессивно («А стоит ли ему доверять?»). Однако после нескольких танцев с одним и тем же партнером она подпускает его поближе, они чистят друг другу перышки и наконец – спустя годы – выводят потомство. Лэнс Тикелл, который изучал альбатросов около полувека, писал: «В течение нескольких лет количество птиц, с которыми взаимодействует особь, постоянно сокращается до тех пор, пока не образуется крепкий союз двоих, объединенный отточенным и понятным только им языком. Образование уникального для каждой пары языка происходит через повторение и синхронизацию движений. Парадокс ситуации в том, что, как только общий язык найден и приходит время задуматься о птенцах, необходимость в нем отпадает. Размножающиеся пары не используют весь потенциал своего языка, потому что понимают друг друга и посто-

янно подкрепляют свои отношения прикосновениями и пощипыванием». С развитием близких отношений танцы прекращаются. Между зрелыми партнерами спаривание обычно происходит без лишней суеты и на собственной территории, иногда с предшествующим этому коротким брачным ритуалом. Пары со стажем зачастую выводят совместное потомство долгие годы, до смерти одной из птиц. Расходятся они редко. Многие виды альбатросов служат примером исключительной верности: отношения в паре могут длиться не одно десятилетие.

У нас не так много времени, чтобы познакомиться с местной фауной. Первый день уже на исходе. Солнце опустилось к линии горизонта, и от предметов тянутся длинные тени. Этот свет приносит умиротворение. В воздухе не слышно шума транспорта, звуков механизмов, тархатенья моторов. Мы не ждем объявлений по громкоговорителю. Никому не приходит сообщений. Не звонит ни один телефон. В сущности, именно таким и был мир на протяжении всей истории человечества. Отдаленный прибой и гомон птиц обрамляют совершенно потрясающую первозданную тишину, которую в наши дни можно найти разве что в самых отдаленных уголках природы.

Внутри музыкального безмолвия бьется нескончаемый ритм. Волна набегает, поднимается, обрушивается, отступает и снова набегает. Огромные живые потоки мигрирующих

существ двигаются в такт собственным сезонным ритмам. Всевозможные птицы, тюлени, черепахи, покрытые перьями, мехом, чешуей, – каждый исполняет свою особую тему на этих зыбких берегах. Каждый читает свою партитуру, вступает на своей ноте и солирует в отведенное ему время, играя хорошо отрепетированную партию с задором и мощностью, достойными музыки сфер. Мы становимся свидетелями совершенного действия, возникшего благодаря миллионам лет согласованных усилий обитателей самой конкурентной среды из всех возможных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.